

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

ДОКУМЕНТ:

ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

**Сборник материалов V Всероссийской
научно-практической конференции
с международным участием
(г. Томск, 27–28 октября 2011 г.)**

**Издательство Томского университета
2012**

4. Там же. 1994. № 2.
5. Там же. 1994. № 6.
6. Там же. 1994. № 3.
7. Там же. 1995. № 2.
8. Там же. 1994. № 10.

Н.А. Грик

**ГУБЕРНСКАЯ ПЕЧАТЬ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ
ВОССТАНОВЛЕНИЯ ТОВАРНОЙ БИРЖИ В 1922 г.:
ПО МАТЕРИАЛАМ ТОМСКОЙ ГАЗЕТЫ «КРАСНОЕ ЗНАМЯ»**

После Гражданской войны по мере восстановления мирной жизни, оживления хозяйственной деятельности в промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте происходило и воссоздание внутреннего рынка. В первые месяцы нэпа возникла необходимость в децентрализации оптового рынка товаров и сырья для обеспечения ресурсами частных и арендных предприятий, что явилось предпосылкой возрождения ярмарочной торговли и товарных бирж. В 1921–1925 гг. наблюдался интенсивный рост численности бирж в советской России, количество которых к началу 1925 г. составило 112. Большинство из них возникало в тех же городах, что и в до-революционный период. Первая советская товарная биржа была открыта в Москве 29 декабря 1921 г. С августа 1922 г. биржи были включены в регулирующую деятельность Комиссии внутренней торговли при СТО. В начальный период нэпа, когда ценовой механизм работал слабо, именно биржевые котировки закладывали ориентиры ценообразования. Кроме того, биржи выполняли еще одну важнейшую функцию – учетно-статистическую, которая помогала государственным структурам точнее ориентироваться в рыночных процессах [1. С. 107, 109]. На это справедливо обращал внимание и руководитель Комиссии внутренней торговли А.М. Лежава: «Государственные экономические наркоматы и органы могут делать свои выводы по руководству торговыми предприятиями, опираясь на показатели биржевой статистики» [2. С. 28].

В целом биржевой оборот играет исключительную роль в регулировании рыночных отношений и на современном этапе, что актуализирует необходимость изучения исторического опыта. Вместе с тем изучение деятельности товарных бирж в советском государстве наталкивается на весьма скудные источники, сохранившиеся в оте-

чественных государственных архивах. Не удивительно, что деятельность бирж в 1920-е гг., особенно в провинции, в отечественной литературе исследована слабо. Поэтому обращение к периодической печати при изучении указанной проблемы в региональном аспекте представляется небесполезной.

В середине февраля 1922 г. газета «Красное знамя» поместила весьма обстоятельную статью о первом организационном собрании томской товарной биржи. На нем присутствовало 15 полноправных членов биржи, представлявших государственные органы и кооперативные объединения. Учредители видели основную роль товарной биржи в установлении тесной связи между всеми государственными губернскими хозяйственными органами и кооперативными организациями, для координации их выступлений на рынке и устранения наблюдавшегося хаоса на местном рынке в регулировании товарных цен [3. 14 февр.].

Инициатором ее создания выступило губернское кооперативное объединение (губсоюз), которое и внесло проект создания «кооперативной биржи». Губернское экономическое совещание (губэсо) поддержало инициативу кооператоров, разработало проект устава только не кооперативной, а общей товарной биржи, членами которой должны быть кооперативные объединения и государственные хозорганы, самостоятельно выступающие на рынке. Этот проект и обсуждался в воскресенье 12 февраля.

Проект устава биржи, с одной стороны, рассматривал ее как совершенно самостоятельное учреждение, предусматривал наличие постоянных членов и институт постоянных посетителей, имевших право посещать деловые собрания биржи. С другой стороны, самостоятельность биржи существенно ограничивалась, поскольку санкционировать какое-либо изменение устава могло только губэсо. Кроме того, в проекте руководящий орган биржи (биржевой комитет) состоял из председателя, старшего маклера и 5 членов биржи, которых должно было избрать общее собрание, но при этом 4 места были закреплены за губпродкомом, губсоюзом, губсовнархозом, финотделом и лишь одного члена могло выбирать общее собрание из числа представителей других хозяйственных организаций. Таким образом, биржа в значительной степени теряла свою самостоятельность.

При обсуждении устава был поднят принципиальный вопрос для нэпа о роли и значении в будущей деятельности биржи част-

ного капитала. Ряд участников предлагали ввести в число членов биржи представителей частной торговли и промышленности. Большинство же отвергло подобное предложение, ссылаясь на то, что пока частный капитал еще не играл значительной роли. Вообще же частному капиталу, по их мнению, вполне достаточно института постоянных и однократных посетителей. В дальнейшем, полагали они, если частный капитал проявит себя, то общее собрание биржи может поменять устав и ввести его представителей в число своих членов.

Данная статья представила ситуацию вокруг частника как вполне решаемую в будущем. Однако, как показали события 1922–1923 гг., вопрос о частном капитале на томской товарной бирже не получил своего положительного решения. Буквально в следующем номере газета вернулась к этому организационному собранию, но уже несколько в ином ракурсе. Новая статья была озаглавлена нейтрально – «Томская товарная биржа». Но ее автор начинал с характеристики рынка 1922 г., используя при этом весьма образные выражения «... мы лениво и бездумно, словно гуляющие без цели, смотрели на пестрые краски вывесок – выходцев из отжившего мира, наскоро приколачиваемых над дверями разрушенного капиталистического торжища... Не опасно – казалось многим. Но жизнь показала иное. Разбушевало, широко разметнулась акульно-жадное торжище...» [3. 15 февр.]. Вместе с тем автор признавал – рынок был создан и стал диктовать свои условия. В отличие от первой статьи, во второй указывалась главная причина необходимости товарной биржи – «напор бешено растущих цен, сводящих на нет наши планы». По-иному он рисует и госорганы, которые, по его мнению, волею судеб превратившись в государственного коммивояжера и получив от дельцов подпольной биржи основательную трепку, также взяли за ум и в лице совнархоза решили устроить свою биржу. Уже в начале 1922 г. автор точно рисовал характер в целом нэповского рынка – на одной стороне спекулятивный рынок со своими жрецами, на второй – «друго-враги»: госорганы и кооперация. Действительно, между кооперацией и госпромышленностью фактически до конца нэпа были острейшие противоречия. На уровне страны посредником-примирителем в улаживании конфликтов между ними выступали СТО и СНК, в Томске – губисполком и губэсо.

Материал второй статьи дает представление и о глубине понимания организаторами сущности товарной биржи. Так, председатель губэсо отмечал «стихийную необходимость зарождения биржи в формах иных, чем ранее, продиктованных ходом революции». Не вполне ясны были для большинства и формы деятельности биржи.

Более четко выявляла статья и позиции участников о роли частного капитала в деятельности биржи. Представитель коммунотдела, судя по статье, исходил из той роли биржи, которую она играла и до революции. Поэтому он предложил пересмотреть устав и предоставить места в биржевом комитете частному капиталу, а состав самого комитета, кроме председателя, выбирать на общем собрании биржи. Коммунотдел нашел поддержку в лице представителя губфинотдела, предложившего изменить устав допущением в биржевой комитет двух представителей (при наличии 5 от советских учреждений и государственных органов) частной промышленности и торговли. Самым весомым аргументом противников полноправного включения частного капитала в деятельность биржевого комитета была позиция, высказанная представителем губернского совнархоза: «Наша биржа... не может походить на капиталистическую. Наша цель – установление коммунистических отношений в обществе, частному торговцу-спекулянту, которого хотят подсунуть в биржу, безразлично, что будет с государственной промышленностью. Зачем же допускать на бирже господство этого элемента? Об изменении устава не может быть и речи...» [3. 15 февр.].

Таким образом, представители, прежде всего, органов власти и хозяйственных государственных предприятий, приняв товарную биржу как необходимость в восстановление товарооборота, тем не менее, сразу же стали выстраивать обособленный орган только для «своих» (кооперации и госорганов). Более того, в 1922 г. они отказывались признать наличие на рынке частного торговца, видя в нем лишь спекулянта. Между тем биржевая спекуляция являлась приоритетной функцией биржевого рынка. Спекулятивные сделки являлись необходимым условием развития биржи. Организаторы томской товарной биржи сразу же выступили за беспрепятственную модель биржевой торговли. В отличие от позиции центральных органов губернская газета в начале утверждения нэпа высказывала более откровенное негативное отношение к

частному капиталу. Так, в январе 1922 г. автор статьи «Обыватель и гражданин», верно определяя нэп как средство, а не цель, в то же время был убежден, что чем «скорее отпадет в ней необходимость, тем лучше, ибо в таком случае мы ближе к социалистической фабрике» [3. 4 янв.].

Вообще в 1922 г. газета регулярно обращалась к вопросу о месте, роли и задачах товарной биржи в советских условиях: «Томская товарная биржа и ее ближайшие задачи» [3. 24 марта; 5 апр.], «Контрольные функции товарной биржи» [3. 25 апр.], «Покушение на права рабоче-крестьянской инспекции (по поводу статьи «Контрольные функции товарной биржи»)» [3. 4 мая], «Товарная биржа и кризис сбыта» [3. 6 июня], «Надо оживить товарную биржу» [3. 20 июня], «Вопросы биржевой торговли» [3. 15 июля]. Помещая вышеназванные статьи, редакция газеты обязательно указывала на их дискуссионный характер.

Вновь и вновь ставился вопрос о допущении частного в биржевой комитет в самое ближайшее время, поскольку, по мнению авторов, без него нельзя рассчитывать на возможность регулирования торговых отношений в сфере частного рынка. Подчеркивалось, что наиболее солидную группу частных предпринимателей принципиально не удовлетворяет бесправный институт постоянных и однократных посетителей. При этом сторонники допущения частного полноправным членом биржевого комитета предлагали «солидность понимать в смысле лучших намерений, укладываемых в основу торговой деятельности». Важно подчеркнуть, что подобные требования их авторы справедливо считали «вполне естественным в общем ходе развития взгляда на современную товарную биржу, что этот вопрос не включает в себе чего-либо нового» [3. 5 апр.].

Другой актуальной проблемой оставался вопрос об обязательности для государственных и кооперативных объединений «под страхом ответственности для их руководителей» проводить все свои наиболее крупные операции через биржу. Это позволило бы товарной бирже стать истинным центром спроса и предложения и действительным регулятором товарных цен. Она смогла бы автоматически следить за правильностью и обоюдной для сторон выгодностью сделок, совершаемых согласно биржевым котировочным ценам. Биржевые сделки, фиксируемые имеющими официальную силу маклерскими записками, предохраняли в этом случае ответственных руководителей хозяй-

ственных органов от нередкой возможности подвергнуться обману со стороны мало известных им частных лиц» [З. 25 апр.].

Однако многие государственные предприятия предпочитали в 1922 г. обходить товарную биржу, поэтому некоторые предлагали биржевому комитету передавать РКИ для расследования дела учреждений, стремящихся ускользнуть от контроля биржи [З. 4 мая.]. В середине 1922 г. разразился «кризис сбыта», вызванный резким сокращением денежной массы, обращавшейся в стране. В этих условиях ряд авторов считали возможным развивать товарообменные операции без посредничества денежных знаков, используя для этого аппарат товарной биржи [З. 6 июня]. Все эти предложения (привлечение РКИ, товарооборот без денежных знаков) свидетельствовали о своеобразном понимании сущности биржевой торговли. Если же еще учесть стремление всех томских авторов видеть в товарной бирже уже в 1922 г. инструмент централизации торгового оборота, то понятна и логика последующих новаций, когда в 1924/25 г. на нее стали возлагать осуществление политики низких цен, что способствовало дальнейшей бюрократизации биржи.

Не удивительно, что операции томской товарной биржи развивались чрезвычайно вяло. В газете признавалось, что «спайки» биржи и рынка нет. Биржа одно – рынок другое. Причины такого явления автор статьи усматривал в том, что большинство госорганов пассивны в отношении биржи, а частная торговля и промышленность не представлены в биржевом комитете [З. 20 июня]. Между тем 15 июля 1922 г. в «Красном знамени» был опубликован первый бюллетень Томской товарной биржи. Из него следовало, что сделки были заключены по охотничьему пороху (10000 руб.) и чулочной нитки (14000 руб.). В предложении были: новые мешки, каменный уголь, соль, сахар рафинад, оконное стекло местного производства, керосин.

Материалы газеты позволяют понять, что даже среди сторонников активного участия частного капитала в биржевом обороте не было понимания необходимости конкуренции, определенной спекулятивности на бирже. Они совершенно не обращали внимания на роль посредника (маклера) на бирже, его коммерческой мотивации. Все это формировало существенные особенности в функционировании советской товарной биржи.

Литература

1. Галкин В.В. История биржи в России. Воронеж: ВГТА, 1998. 234 с.
2. Лежава А.М. Государственное регулирование торговли и биржи. М., 1924. 45 с.
3. Красное знамя. 1922.

**ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ
ГОРОДСКОЙ И РАБОЧЕЙ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ
КООПЕРАЦИИ СИБИРИ В 1921–1929 гг.***

Городская и рабочая потребительская кооперация, будучи важной составной частью системы потребительской кооперации, занималась обслуживанием населения городов, рабочих посёлков, железнодорожных станций и водных пристаней промышленными и продовольственными товарами. Во второй половине 1920-х гг. городская и рабочая потребительская кооперация Сибири занимала ведущие позиции на рынке потребительских товаров, существенно превысив показатели товарооборота государственной и частной торговли.

Фонды Государственного архива Новосибирской области (ГАО) сохранили документы и материалы, содержащие ценную информацию о торгово-хозяйственной, кооперативно-массовой и культурно-просветительной деятельности как отдельных городских и рабочих кооперативов, так и их объединений. В немалой степени этому способствовало то обстоятельство, что в городе Новониколаевске (Новосибирске) находилось руководство Сибирского отделения Центросоюза (СОЦа), преобразованного в 1924 г. в Сибирский краевой союз кооперативов (Сибкрайсоюз). Здесь располагались также партийные, советские, профсоюзные руководящие органы Сибири – Сибревком, Сиббюро ЦК РКП(б), Сибкрайком ВКП(б), Сибкрайисполком, Сибкрайсовпроф и др., документы которых стали базой формирования соответствующих фондов.

Документы, отражающие деятельность партии по руководству кооперацией, а также материалы информационного характера сконцентрированы в фондах Сиббюро ЦК РКП(б) (Ф. П-1), Сибкрайкома РКП(б) (Ф. П-2), Новониколаевского губкома РКП(б) (Ф. П-10) ГАО. В них сосредоточены директивные материалы центрального комитета большевистской партии, резолюции съездов РКП(б) и ВКП(б), циркуляры центрального комитета партии по вопросам кооперативного строительства, обязательные для выполнения местными партийными,

* Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.» (проект № 14.740.11.1114 «Социально-экономическая трансформация городской и рабочей потребительской кооперации Сибири в 1921–1935 гг.»).